

«ДН» — 2014

Романы, повести:

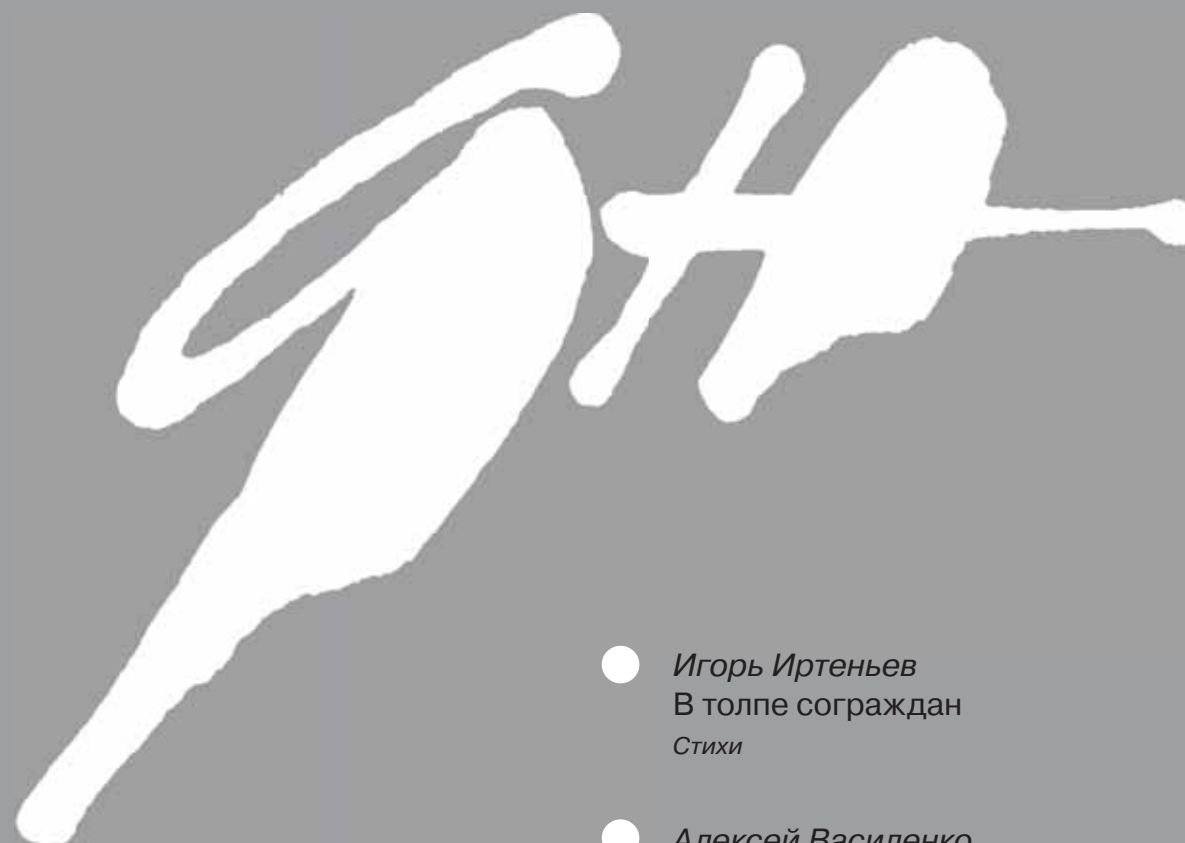
Резо ГАБРИАДЗЕ. Доктор и больной. *Повесть*
Андрей ЖИТИНКИН. Житинский. *Маленький роман из длиннот*
Афанасий МАМЕДОВ. Дозорный Грибоедова. *Повесть*
Марина МОСКВИНА. КРИО. Роман. *Книга вторая*
Юрий ОКЛЯНСКИЙ. Уроки с репетитором, или Министр собственной безопасности. *Повесть литературного быта*
Захар ПРИЛЕПИН. Новое произведение
Елена РЖЕВСКАЯ. Бремя выбора. *Воспоминания*
Мария РЯХОВСКАЯ. Ай-Серез. *Повесть*
Сергей УТКИН. История болезни. *Повесть в рассказах*
Леонид ЮЗЕФОВИЧ. Филэллин. *Повесть*
Екатерина ЮРКЕВИЧ. Сарафанное радио. *Повесть*

Рассказы: Евгения АЛЕХИНА, Андрея ВОЛОСА, Елены ДОЛГОПЯТ, Алексея КОЛОБРОДОВА, Ильи КОЧЕРГИНА, Владимира ТОРЧИЛИНА, Евгения ШКЛОВСКОГО и других авторов.

Новые имена: участники Форума в Липках, Волошинского фестиваля и наши собственные открытия

Новые сочинения: Эльчина ГУСЕЙНБЕЙЛИ (с азербайджанского), Анатолия КОРОЛЁВА, Ицхокаса МЕРАСА (с литовского), Дмитрия НОВИКОВА, Светланы ПЕТРОВОЙ, Дины РУБИНОЙ, Левона ХЕЧОЯНА (с армянского), Владимира ХОЛОДОВА, Александра ХУРГИНА, Дмитрия ШЕВАРОВА

Новые стихи и переводы: Сухбата АФЛАТУНИ, Ефима БЕРШИНА, Сергея ВАСИЛЬЕВА, Германа ВЛАСОВА, Андрея ГРИЦМАНА, Ольги ИВАНОВОЙ, Алексея ИВАНТЕРА, Игоря ИРТЕНЬЕВА, Александра КАБАНОВА, Инны КАБЫШ, Бахыта КЕНЖЕЕВА, Григория КРУЖКОВА, Георгия КУБАТЬЯНА, Марины КУДИМОВОЙ, Инги КУЗНЕЦОВОЙ, Виктора КУЛЛЭ, Инны ЛИСНЯНСКОЙ, Ларисы МИЛЛЕР, Олеси НИКОЛАЕВОЙ, Натальи ПОЛЯКОВОЙ, Геннадия РУСАКОВА, Юрия РЯШЕНЦЕВА, Анны САЕД-ШАХ, Владимира САЛИМОНА, Айгерим ТАЖИ, Александра ТИМОФЕЕВСКОГО, Олега ХЛЕБНИКОВА и других авторов.

- **Игорь Иртеньев**
В толпе сограждан
Стихи
- **Алексей Василенко**
Переменная облачность
Повесть
- **Александр Хургин**
Везде люди живут
Рассказы
- **Василь Махно**
Зелёные собачьи дни
- **Елена Иваницкая — Александр Мелихов**
Титаны и пузырьки

Елена Иваницкая—Александр Мелихов

Титаны и пузырьки

Елена Иваницкая: Людям постарше советская школа долбила в голову: коллективизм, коллективизм... Священное такое слово, обозначавшее всякие священные вещи: «товарищеская взаимопомощь, осознание и выполнение долга перед обществом, сознательное сочетание общественных интересов с личными, уважение коллектива и его интересов. Коллективизм противоположен индивидуализму» и т.д. Цитирую, естественно. В данном случае «Философский энциклопедический словарь» (М., 1983), но можно и что угодно другое процитировать. Людям помоложе тоже долбят в голову школа, телевизор, интернет про соборность, артельность, коллективизм как наши извечные ценности в противоположность все тому же индивидуализму. Добавляют: индивидуализму — западному. При этом каждый слышит жалобы, что они-то («кавказцы», «азиаты») друг за дружку держатся, у них взаимопомощь, они-то своего защитят и отстоят, а мы-то... А мы-то! В XIX веке точно так же жаловались, что друг дружку поддерживают немцы, поляки, евреи. А мы-то, а мы-то друг дружке глотку рвем! В данном случае опираюсь на роман Мамин-Сибиряка «Хлеб», который весь на этом построен. Сплоченные немцы+поляки+евреи выступили совместно, артельно, коллективно и в пух и прах разбили разобщенных, не умеющих взаимодействовать и рвущих друг дружку русских. Это коллективное выступление, уверяет Мамин-Сибиряк, разорило богатое дотоле Заполье (читай — Пермскую губернию) и привело к голоду 1891 года. Запольцы» ничего не могли противопоставить «западной» сплоченности. Про вину поляков+немцев+евреев в голоде 1891 года — это на совести автора, а вот наше неумение продуктивно взаимодействовать отмечено точно. На мой взгляд, это абсолютная правда. А если «мы» сплываемся, то, как говорил твой герой Лёва Каценеленбоген из «Исповеди еврея», исключительно затем, чтобы с кем-то «расплачиваться». А потом опять вразброд.

Александр Мелихов: Но, может быть, это общий закон — объединиться проще всего против общего врага. Малые народы, живущие в недружественном окружении, должны либо сплотиться, либо исчезнуть. А перед народом-хозяйном такой выбор до поры до времени не стоит. Пока у поляков было свое

Иваницкая Елена Николаевна — критик, постоянный автор «Дружбы народов». Последние публикации в «ДН»: «Глюки, которые происходят взаправду» (№ 10, 2008); «И слепые повели зрячих...» (№ 11, 2008); «Зачем кидаться с крыши?» (№ 11, 2008).

Мелихов Александр Мотелевич — прозаик, публицист, постоянный автор «Дружбы народов». Последние публикации в «ДН»: «Преодолеть ужас» (№ 7, 2012); «Закваска Брейвика и закваска Саррацина» (№ 11, 2012); «Подручный Орфея». Роман (№ 4, 2013).

государство, они уделяли созидательному сотрудничеству не больше внимания, чем русские. Ибо если большие народы даже и терпят локальные поражения, вопрос об их национальном выживании на повестку дня все равно не ставится, поэтому они могут позволить себе расслабиться. А когда они начинают ощущать, что их всерьез вытесняют из собственного дома, они отвечают Кондопогой, Бирюлёвым, и это, боюсь, только первые — не ласточки, разумеется, а ястребы что ли? Улица уже начинает поджимать, по интернету уже гуляют компактные отряды молодых людей, которые трясут рыночных и уличных торговцев: требуют какие-то бумаги, которые те предъявить не могут, опрокидывают лотки... И возглавляет их не шпана, а молодые мужчины с правильной речью, умеющие уверенно разговаривать с начальством и ссылаться на законодательство. Такими ли мы хотим видеть наших национальных лидеров? И таких ли преемников желает наша нынешняя власть?

Ведь уличные вожди не склонны тонко различать правых и виноватых, недоверие к чужакам, страх перед обновлениями — это инстинкт самосохранения народа, грубый и неразборчивый, как все инстинкты, он ненавидит не только прямых врагов, но и всякую сложность тоже, ибо она мешает ненависти. Так что если власть не станет удерживать напор национальных меньшинств в каких-то приемлемых для русских рамках, то они однажды могут показать, что очень даже способны на сплоченные действия. Притом, что недостаток повседневной сплоченности для имперского народа может обернуться и серьезным достоинством: он открывает более организованным национальным меньшинствам иллюзию не только равенства, но даже некоторого господства. Тому же Лёве Каценеленбогену кажется, что ссыльные ингуши сильнее русских — берут хлеб без очереди, сваливают дрова поперек переулка, — но он не задумывается, что такие же, как его покорные соседи, русские парни и мужики, вооруженные автоматами, согнали этих самых ингушей в товарные вагоны и вывезли в дикую степь, где огромная часть их перемерла. Так кто же в итоге хозяин?

И меньшинства это отлично чувствуют. А потому ищут компенсации в каких-то частных сферах — кто в торговле, кто в шахматах, а кто и в хулиганстве. Что раздражает более всего. Но надо только не забывать, что хулиганство — прививка против терроризма. Ибо причиной терроризма является стремление восстановить свою экзистенциальную защиту, ощутить себя красивым и значительным. Кому-то для этого требуется опередить хозяев страны в финансовой сфере, кому-то в интеллектуальной, а кому-то достаточно прижать их где-то в быту — нахамить, припугнуть, унижить, и этим разрядить свою униженность, которая без такой разрядки вполне могла бы разрастись в целую идеологию, требующую человеческих жертв.

Елена Иваницкая: Да, это доказательные и убедительные примеры «артельности-совместности», но, увы, абсолютно непродуктивной. И Мамин-Сибиряк в «Хлебе» об этом выразительно написал: во время пожара толпа не тушить кинулась, не воду носить, а в едином порыве рванула бить поляков, которые, впрочем, благополучно спаслись, отступая коллективно и сплоченно и не бросив старую гувернантку-англичанку, хотя из-за нее одной рисковали они все. Так что никто никого не убил, но Заполье погорело.

Разумеется, в нашем советском детстве нам «прививали» не этот припадочный коллективизм, а какой-то другой. Что ты помнишь о том, как «прививали»? Что это для тебя значило?

Александр Мелихов. Ничего не значило. Наверно, был какой-то педагоги-

ческий бубнеж, но мы его пропускали мимо ушей, как все, что исходило от начальства. А вот в мальчишеских компаниях коллективизм понимался очень просто: зажал что-то, не поделился, струсил в общей игре — и ты изгой, презренная личность. Особенно если уклонился от общего дела в противостоянии каким-то чужакам. Это к вопросу о том, что продуктивно и что непродуктивно. Что человек выбирает, то для него и продуктивно, то и есть для него самая выгодная выгода. И важнее всего для него, если уж речь не идет прямо о жизни и смерти, экзистенциальная защита, ощущение себя красивым и значительным, чего легче всего добиться, слившись с чем-то могущественным и почитаемым. Но в чем же могущество и почитаемость могут выразиться рельефнее, как не в торжестве над чем-то другим, тоже могущественным и почитаемым? В мальчишеской среде и уважались больше всего те, кто позволял «нам» одолевать каких-то «их». Я уже не раз писал, что убивает не просто несчастье, но некрасивое несчастье. А если ты претерпел какой-то материальный урон, хоть пожар, но остался сильным и несломленным, это будет лучшая психотерапия. Вот такой психотерапией запольцы и занялись, и никто, кроме них самих, не может судить, продуктивно они поступили или непродуктивно. Раз поступили, значит, в тот миг это и было самым продуктивным.

Елена Иваницкая: В этом Мамин-Сибиряк с тобой не согласен, и я тоже. Он рисует панику, истерику и отчаяние. Обезумевшие запольцы даже не поколотили никого, кроме перепуганной старухи-гувернантки. Вдобавок у поляков с немцами все было застраховано, специально объясняет Мамин-Сибиряк, а у запольцев во дворах «и семья льняное, и кудель — такой припас, что хуже пороху», но сплошь на авось: «У нас у всех так заведено». Это тоже коллективизм-артельность-соборность: погореть, так всем и дотла?

Александр Мелихов: Так и я, если угодно, с собой не согласен, лично я бы так не поступил. Но для обитателей замкнутого Эдема противостояние чужакам в принципе более важная задача, чем даже спасение имущества, если не доводить это до полной карикатуры. Великий Дюркгейм считал общим законом перерастание механической солидарности, основанной на полном единообразии, в солидарность органическую, основанную на обмене услугами, но механическая-то солидарность не зря держалась веками и тысячелетиями. Мой «чужак» Каценеленбоген глумится над требованиями Единства: будь, как все. Но именно эти требования позволили человечеству выжить в условиях настолько ужасных, что нам о них страшно и подумать. Европейских этнографов, приехавших из благополучных стран, забавлял страх дикарей провести новую линию на своем копье, чтобы не потревожить злых духов, но если бы они задумались, какой ценой этим самым «дикарям» досталось их хрупкое равновесие, то в их костности, пожалуй, открылась бы и некая мудрость: не колыхай, пока жив. И допущение в свою среду более дальновидных и организованных чужаков всегда несет в себе угрозу попасть под их власть, угрозу разрушения существующего порядка. Глеб Успенский пишет, каким потрясением всего крестьянского мироздания оказалось появление, скажем, двух англичан, которые, не сеявши, не косивши, а вместо этого разъезжая в коляске, скупили все сено в округе и перепродали с такой выгодой, какая сеятелям и хранителям и не снилась. Да, за отделением труда от торговли в теории следует рост производства, но люди-то хотят жить сегодня. А они все разом почувствовали себя неудачниками, и кто запил, кто остервенел — миру пришел конец. Так разве не естественно его защищать даже и до нелепости?

Да и вообще всякое нарушение сложившегося равновесия чревато угрозой. Джавахарлал Неру пишет, что вторжение английского текстиля привело к голодной смерти миллионов индийских ремесленников. Либеральная модель на это дает один ответ — увеличивать производительность труда, выдерживать конкуренцию. Но на это в лучшем случае уйдут десятилетия, а в худшем — вечность, люди же не хотят умирать или чувствовать себя жалкими лузерами только из-за того, что не владеют организацией и техникой современного производства. Да и что это за культ производительности, мы что, ради этого живем? Лидеры задают такой темп, что вынуждают всех рваться из последних сил или быть отброшенными в канаву. А почему бы открыто не созвать всех желающих под знамя новой цивилизации, где люди будут жить пусть победнее, но спокойнее? Назвать такую цивилизацию можно пусть не коллективистской, это слово навязло в зубах, и не соборной, ибо и это слово рождает не для всех желательные церковные ассоциации, — новая цивилизация должна быть над-конфессиональной, главное — она должна объявить своей целью покой и волю, а не стремление лезть из кожи вон, чтобы угнаться за горсткой «удачников».

Ослабление межличностной и межнациональной конкуренции во имя мира и покоя, борьба за право на неспешность — эта идея могла бы объединить многих поверх конфессиональных и национальных границ. Ведь идея бесконечного экономического роста явно разрушительна и для природы, и для человеческой психики. Ведь все мечты о сытости и комфорте в цивилизованном мире давно превзойдены, а жизнь отнюдь не сделалась менее напряженной. Уровень самоубийств, наркомании, алкоголизма, депрессий именно среди «удачников» явно говорит о том, что счастье нужно искать на каком-то ином пути.

Как-то я слушал доклад доктора экономических наук «Экономическая теория счастья». И я тогда сказал, что экономическая теория счастья так же невозможна, как гуманистическая теория казни: экономика — это Молох, которому мы приносим в жертву свое счастье, свою свободу, свои мечты. Мечтать нужно *о свободе от экономики*.

Елена Иваницкая: В твоих словах намечены несколько разветвлений нашей темы, и я вижу, что тебя и меня интересуют в ней разные повороты. Тебя — по преимуществу парадоксы модернизации, а меня — парадоксы коллективности.

Мысль о «цивилизации покоя и воли» — прекрасная и вдохновляющая. Чтобы ее «продвигать» нужны, разумеется, «коллективы» единомышленников. Клубы и объединения. Движения и партии. Общественные дискуссии. Но сторонникам «цивилизации покоя и воли» придется полемизировать, как мне кажется, не с либералами, которые уже выдвинули близкую идею «устойчивого развития», а с воинственными энтузиастами «величия» и «государственничества».

Что же касается тех самых «двух англичан», как у Глеба Успенского, или «поляка с евреем», как у Мамина-Сибиряка, то они возвращают нас к проблеме отечественной «коллективности», а именно — ее отсутствия. Что именно противопоставить «двум англичанам», столь успешно скупившим сено, давно и досконально известно. Кооперацию, само собой. Но «сеятели» отнюдь не объединились в кооперативы. А что они сделали? Кто запил, кто остервенился... Но в этом же самый узел проблемы. И в XIX веке, и в советском XX, и сейчас в XXI идеологи бубнят и бубнят, что «коллективность-соборность-артельность» — наша особенность, наша извечная ценность, наша... наша... наша...

А ее нет. Именно у нас-то ее и нет.

Александр Мелихов: Раз ты слышишь этот бубнеж, значит он действительно где-то звучит, но он настолько далек от того мира, в котором я жил и живу, что я даже обсуждать его серьезно не в силах. Припоминаю разве что народническую литературу, выражавшую разочарование в коллективистских склонностях народа — у Каронина, кажется, что-то читал, у Глеба Успенского насчет того, что мужикам не сговориться, гусиный навоз лучше или еще какой-то... Все забыл и актуальности ни малейшей не вижу.

А вот энтузиасты государственного величия, мне кажется, и сегодня сильны, потому что именно на причастности к величию люди стремятся выстроить свою экзистенциальную защиту — заглушить ужас собственной мизерности. Однако самые простые люди способны при этом гордиться достижениями своей страны, вовсе не требующими тирании и подавления личности — посмотреть только, как празднуются футбольные победы, как празднуется пусть минутное, но явное наше торжество в космосе. Мы поздно пришли в блистательную Европу, а если новая культура хочет войти в сложившуюся цивилизацию и не раствориться в ней, сохранить свое и чужое уважение, то она должна принести туда нечто *невиданное, расширяющее представления о возможностях человека*. В науке, в технике, в спорте, но в чем-то быть рекордсменами.

И в штучных рекордах нам это вполне удавалось. Один национальный гений способен возродить экзистенциальную защиту миллионов — Россия именно этим всегда и брала, защищаясь от брэнности и униженности именами Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова, Чайковского, Мусоргского, Менделеева, Павлова, Ляпунова, Колмогорова, Понтрягина, Вавилова, Рахманинова, Прокофьева, Шостаковича...

Я думаю, для нас и сейчас самое надежное — вкладывать образовательные ресурсы в производство гениев. То есть с детского сада выделять и поддерживать романтиков, устремленных не к воспроизводству уже известного, а к созданию чего-то небывалого. Обширнейшая сеть школ для особо одаренных заставила бы весь мир, а прежде всего нас самих поверить, что живем мы пусть не очень богато, но зато умеем ценить таланты. Это и сделалось бы объединяющей грезой цивилизации покоя и воли: пусть лучше остановится рост ВВП (а куда ему расти, если все древние мечты о всеобщей сытости, повторяю, давно сбылись?), чем останется незамеченным, не поддержанным хоть один талант.

Представим картину: в России открыли настолько полезное ископаемое, что достаточно каждому в течение трех часов поковырять лопатой, чтобы обеспечить себя на целый месяц. Значит ли это, что нам с этой минуты уже станут не нужны ученые, инженеры? Наоборот — свалившееся с неба или выставшее из земли богатство должно служить роскоши человеческого гения. Не гений богатству, а богатство гению.

Вот для этого-то и требуется государственное величие — для разворачивания таких проектов, в которых наиболее впечатляюще реализуется человеческий гений. Тогда и противоречия между личностью и государством перестанут быть столь трагическими: разумеется, великие проекты может задумывать лишь свободная человеческая личность. Но концентрировать ресурсы для реализации ее идей способно только государство, не столь озабоченное сиюминутной прибылью, как коммерческие компании.

Разумеется, при желании и это можно довести до карикатуры, но при наличии противоположного желания можно пофантазировать довольно плодотворно. Сегодня же грандиозные научные проекты не требуют драть с рядовых

людей три шкуры, как этого требовал, скажем, атомный проект. Чтобы создать какой-нибудь коллайдер, современному миру достаточно отказаться от понтов, от бесконечного обновления однотипных автомобилей, айпадов...

Да мой собственный отец мог бы послужить аллегорией такого государства: машину не покупать, а пианино для одаренного сынишки привезти чуть ли не на верблюдах, отказаться от нового костюма, зато показать детям Москву, — мне вполне подходит не только такой отец, но и такое отечество.

Елена Иванецкая: В твоих прекрасных и благородных мечтах я вижу-слышу идею свободной личности и отечески заботливого государства, но не вижу/не слышу идею плодотворного объединения, самоорганизации свободных личностей.

Что же касается экзистенциальной защиты, то это зерно нашего давнего спора, вполне экзистенциального. То, что ты называешь ужасом мизерности, меня не ужасает. Разумеется, ты можешь на это возразить во фрейдистском духе, что я всего лишь боюсь себе в этом признаться. Давай вспомним знаменитое место из «Анны Карениной». Константин Левин с ужасом (ужасом перед мизерностью) обдумывает ту окончательную мысль, которую дает ему наука: «В бесконечном времени, в бесконечности материи, в бесконечном пространстве выделяется пузырек-организм, и пузырек этот подержится и лопнет, и пузырек этот — я». Герой Толстого в ужасе повторяет, что это мучительная неправда, что это жестокая насмешка злой и противной силы. А мне не только не противно, а очень нравится. Мне по сердцу, что я «пузырек земли», который подержится и лопнет.

Но пока мы держимся и еще не лопнули, я предпочла бы свободу, права человека и самоорганизацию.

Александр Мелихов: Я давно подозреваю, что под политическими разногласиями таится расхождение экзистенциальных интересов, и зачем нам тогда друг друга плющить каким-то единым государственным устройством? Пусть бы те, кого ужасает человеческая мизерность, служили величию, понимая при этом, что военная сила чаще всего такое же умножение ординарного, как нагромождение товаров, не несущих даже искорки *небывалого, невиданного*. А те, кого не пугает участь «пузырька земли», пусть держатся за свободу и самоорганизацию и наслаждаются их плодами. И все свободно переходят из одной цивилизации в другую, если первая начинает проигрывать в состязании соблазнов. Рисуя такие заманчивые картины, не нужно делать вид, что у тебя в кармане имеется какой-то универсальный рецепт счастья, а честно признавать, что служишь не человечеству, но своим собственным нуждам, и к своей грезе пришел не научным путем, но, всего-навсего, пытаюсь обобщить мизерный личный опыт.

Я ведь возрастал в глубочайшей провинции — из которой постоянно выходили ученые, а изредка художники и писатели, — оттого что любой одаренный мальчишка или девчонка имели под рукой всевозможные бесплатные, то есть *оплачиваемые государством* кружки, руководимые аристократами духа, ощущавшими себя посланниками большого прекрасного мира, куда они стремились завлечь все стоящее. Государство, обслуживающее аристократию, — мне кажется, все лучшее в России было создано именно по этой формуле. Какая-то наиболее образованная и романтическая группа освобождалась от борьбы за социальное выживание, освобождалась как от серпа и молота, так и от безмена, и получала возможность делать что нравится, — этой группой была то аристократия крови, то аристократия точных наук или далеких от идеологии гуманитар-

ных, и результат каждый раз оказывался великолепным, а иногда и великим. Возможно, что девять десятых этой аристократии паразитировали на остальных, но я считаю такой капэдэ вполне пристойным. Десять гениев в моих глазах тысячекратно окупают десять тысяч бездельников.

Только я никогда не видел, чтобы их набиралось так много. Если человек закончил какой-то очень сложный факультет, для чего требуются годы труда и особые способности, то ему в работе нужно предоставить полную свободу. Если он готов погубить свою жизнь, после стольких усилий сделаться ничтожеством — пусть губит. Остальным он будет внушать не зависть, но презрение и даже страх ему уподобиться. В любом научном коллективе всегда есть несколько настоящих ученых, для которых работа — главный смысл жизни, которому они будут служить хоть на галерах. К ним всегда будут тянуться те, кого греет сотрудничество с неординарными личностями, участие в неординарном деле, и этого ядра вполне достаточно, чтобы за двадцать-тридцать лет выйти за границы небывалого — что, собственно, и требуется и для экзистенциальной защиты, и для высокой репутации государства.

Я рисую такие светлые картины по одной-единственной причине — я много раз наблюдал их в реальности. Наблюдал бы другое, так и сочинил бы другую сказку, которую, впрочем, тоже бы не пытался выдать за научную теорию: все рождается из наших элементарных страхов и радостей, которые мы пытаемся возвести во всеобщий закон. Самоорганизацию вокруг научных лидеров я наблюдал не раз и не десять — самоорганизацию на основе общего дела и личного знакомства. А вот самоорганизации национального масштаба что-то не припомню. Если не считать Минина и Пожарского, с которыми, однако, я, увы, не имел чести быть лично знакомым.

Зато искорки аристократического начала я наблюдал в кошмарном Советском Союзе, только он сам от них отсекся, надорвавшись над умножением ординарного — вооружения и приняв критерий, по которому заведомо не мог победить, — «благополучие трудящихся».

Вот если бы и ты открыла мне свой личный опыт, породивший твою мечту о самоорганизации и правах человека, то наверняка он убедил бы меня больше, чем слова, которые не вызывают во мне никаких образов реальности, остаются чистым звуком. А я, как и Онегин, не склонен для звуков жизни не щадить.

Елена Иваницкая: Вот и опять мы сталкиваемся с проблемой «аксиом» мышления. Ты исходишь из того, что у меня непременно должна быть вдохновляющая светлая сказка, мечта, греза — о свободе ли, о правах ли... У меня их нет. Но я вижу пугающее зияние там, где требуется сила совместных гражданских действий. Да вот же пример — перспектива так называемого сохранения исторического центра Петербурга. Все жители центра — трах-бабах! — оказались под угрозой лишиться жилья и отправиться туда, куда их отправят. Для цивилизованного решения проблемы нужны объединения граждан во взаимодействии с партиями, а разрозненные жители повторяют и повторяют ту фразу, которую я слышу уже много лет: «Все бесполезно, *они* что захотят, то и сделают». Эти самые *они* — вместо отечески-то заботливого государства — так и будут *они*, пока за столом переговоров напротив них не появится разумная объединенная гражданская сила.

А у нас нет опыта объединяться в такую силу.

Атмосфера плодотворной дружной работы вокруг творческого лидера в научном отделе — пример того, что этот опыт можно приобрести. Но, извини за

цинизм, во всяком советском институте сотрудники оглядывались и думали: «А кто стучит?» Любой советский коллектив был подрыв этим неизбежным подозрением.

Боюсь, что мне непонятна твоя мысль, будто у нас в России все лучшее создавалось по формуле «государство обслуживает аристократию». Наши «аристократы духа» — почти сплошь — получали ссылку, каторгу, тюрьму, эмиграцию. И расстрел. Боюсь, что у нас скорее возникнет мысль, что все лучшее создается под свирепым подавлением.

Твоя мечта о пестовании гениев у меня тоже вызывает слишком много недоумений. «С детского сада выделять и поддерживать...» — то есть пятилетний Альберт Эйнштейн (ничем вроде бы в детстве не блиставший?) изначально усвоит, что он ребенок второго сорта.

Вопрос упирается в «госкомиссию». Кто и как будет решать, не пора ли отсеять тугодума Альбертика во вспомогательную школу для трудновоспитуемых?

Твоя идея о возвращении творческих романтиков перекликается с «упований» Ивана Ильина из его работы «Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований». Он тоже настаивал, что гений, этот Божественный Ключ, должен получить все, что ему нужно для творчества. «Надо обезопасить его жизненный путь, чтобы он не запутался в темных интригах, как Пушкин, надо избавить его от нужды, чтобы он не бился с долгами, как Бетховен или Достоевский... надо доставить ему глыбу мрамора в мастерскую или редчайший прибор в лабораторию». И даже — «оградить его от навязчивых людей».

И вот собирается госкомиссия под председательством Писарева и решает, что дать просителю Пушкину. По шапке ему дать. Ножки воспевают, а туда же. В соседнем кабинете госкомиссия под председательством Льва Толстого решает, что дать Шекспиру. А в соседней комиссии под председательством Иоанна Кронштадтского решает, что дать Толстому.

А если без иронии, то государственная поддержка школ для одаренных — отличная вещь, но и коллективная, кооперативная инициатива в этой области тоже возможна и тоже отличная вещь. На стороне государства названная тобой концентрация ресурсов, на стороне инициативных объединений — богатство разнообразия.

Александр Мелихов: Правильно. Удачи и возникают, когда государство предоставляет свою концентрацию ресурсов духовной аристократии, ориентированной на то, чтобы оставить след в вечности, свершить нечто небывалое. А когда оно раздает аристократам духа ссылки и изгнания, оно дает противоположные уроки, как ему себя вести не нужно. Российское государство часто давало примеры того и другого почти одновременно. Когда оно помещало Пушкина в Царскосельский лицей, когда оно своей полицейской силой обеспечивало ему праздность вольную на псковский оброк, — оно служило гению. Когда оно ссылало его в Кишинев за невинные стишки типа «самовластительный злодей, тебя, твой трон я ненавижу, твою погибель, смерть детей с жестокой радостью вижу», — оно служило уже себе. Хотя невольно защищало и Пушкина от русского бунта, бессмысленного и беспощадного: чернь ведь отправила бы его туда, где бы уже не нашлось генерала Инзова — тоже пример ограничения власти государства самоорганизацией аристократии. Я свою мечту и выстраиваю по этой стандартной схеме — лучшее взять, от худшего отказаться.

Правда, в реальности добро настолько часто рождается из зла... Представим,

что российское общество сделалось настолько высокодуховным, что решило прощать Пушкину все его выходки. Оскорбляет власть — пускай, ему можно, он гений. Спит с чужой женой — ничего, гениям дозволяется. Проигрывается в карты — гениям платить не обязательно...

И кем бы сделался Пушкин, если бы он не разделял жизнь обычных людей? Они ведь его за это и боготворят — что он не чью-то заоблачную, но их собственную жизнь наделяет смыслом и красотой.

Но вот гениям научным, техническим, наверно, совсем необязательно разделять жизнь своего народа. Достоевский с каторги вынес новое мировоззрение, а Королев, думаю, абсолютно ничего, его судьба — тоже сразу два урока: государственного идиотизма и государственной мудрости, но первое не отменяет второго. Когда государство предоставило целую промышленную империю в распоряжение космических титанов — Королева, Глушко, Челомея... — это тоже пример подчинения государства целям аристократии. Притом, что эти аристократы друг друга терпеть не могли, бешено ревновали, кто первый, а кто третий. И все-таки место в вечности нашлось всем, титанов не так много, чтобы разрешить им вести войну на уничтожение.

Задача государства — быть хранителем сложности, не позволять простым и сильным общественным потребностям пожрать сложные и слабые, присущие немногим. Умная власть никогда не позволит титанам духа мочить друг друга материально, никогда не позволит обрести монополию страстному лидеру ни одного направления, но станет поддерживать каждого из них, для этого ей вполне достаточно общей культуры университетского уровня. И квалифицированный советник по культуре окажет поддержку и «Русскому слову» Писарева, и «Ясной поляне» Толстого, а Иоанн Кронштадтский и сам собирал вполне достаточные суммы. Ведь гениев определяют не другие гении и не госкомиссии, сумевшие внушить советским людям, что все определяют именно они, но экспертное сообщество, чей вкус воспитан на классических образцах; это тоже самоорганизующаяся аристократическая группа, разные части которой тоже соперничают между собой порой до ненависти. И в зависимости от того, которая из них побеждает, первым поэтом оказывается то Твардовский, то Мандельштам, но всегда какая-то крупная фигура, представляющая некое культурное и даже историческое движение. Зато черни никакими госкомиссиями никогда не удастся надолго удержать своих ставленников на Олимпе — именно потому, что ей безразлично долговечное: она через госкомиссии продвигает «Хождение по мукам», а его тихой сапой вытесняет «Белая гвардия». И не войском, нет, не госкомиссией, но мнением аристократического сообщества, которое в конце концов одолевает и в госкомиссиях.

Экспертному сообществу же надлежит выбрать и будущего Эйнштейна, у Алика должен найтись хотя бы один болельщик из преподавателей физики и математики. Но если такового не найдется — тут бессильна и аристократия, и государство — ее орудие. Что тут можно сделать, если и в цюрихском политехникуме Эйнштейн не проявлял ничего, кроме апломба? Никого не поддерживать, чтобы никого не обидеть? Мимо Эйнштейна прошли и такие классики, как Гурвиц и Минковский. Который впоследствии предложил геометрическую интерпретацию специальной теории относительности — но, увы, не раньше, чем она появилась на свет. Даже самые преданные науке эксперты не могут поддержать то, что никак не проявляется, достаточно, чтобы

они ставили науку выше личного самолюбия, готовы были развивать идеи своего вчерашнего студента ради высокой общей цели.

Наличие такой цели вообще служит могучим стимулом самоорганизации, у нас в Петербурге тоже имеется впечатляющий опыт объединения горожан для сохранения исторического центра. Первые массовые движения перестройки в Ленинграде начались в защиту дома Дельвига и «Англетера», где покончил с собой Есенин. Интеллигенция вышла на улицы, когда это было еще довольно рискованно, не ради защиты своих квартир, но оттого что захотела почувствовать себя сильной и красивой, причастной к высокой цели. А исчезла вера в высокую цель — сноси хоть Зимний дворец: придут защищать сто чудачков и пять профессиональных борцов с режимом.

Я ведь исхожу не из каких-то аксиом, но исключительно из опыта: я реально вижу, что есть множество людей, которым тоскливо и страшно жить в качестве пузырька — они глотают алкоголь и антидепрессанты, колются, обкуриваются... Но вполне вероятно, что есть еще больше людей, которых устраивает участь пузырьков — так и дай им Господь всяческих благ! Нам всего лишь нужно, как теперь выражаются, оформить цивилизованный развод. Пусть одни живут в государстве, обеспечивающем максимальную свободу от рутинной экономики ради мировых рекордов в науке, в технике, в культуре, в спорте — в медицине, само собой. А другие пусть живут в свое удовольствие — даже и не знаю как, я ни разу не видел общества, которое сумело бы счастливо самоорганизоваться, не имея никакой долговечной мечты. Но если мне его покажут, возможно, я первый туда перебегу, задрав штаны, в пузырьковую цивилизацию.

Как возникает моя сказка, мне понятно: российское государство по отношению к своим великим людям столь часто действовало под девизом Тараса Бульбы «Я тебя породил — я тебя и убью», что осталось лишь принять первую часть и отбросить вторую. А вот когда я пытаюсь понять, из какой реальности возникает — пусть не мечта, но тогда что, план, модель? — общества пузырьков, то тоже вижу опасные зияния. И я задаю свои вопросы без тени иронии — мне действительно очень хочется знать, чем рациональным можно заменить мифическую соборность и ненадежную мечту. Как будет воспроизводиться это общество? Будет ли оно хранить какие-то нормы и эталоны? Кто станет это делать и как их защищать? Как оно будет бороться с внешними и внутренними врагами — ведь наверняка таковые найдутся. Какие мотивы внутри объединенной гражданской силы заставят людей мириться с тем, что большая доля плодов непременно достается не тому, кто вложил большую долю трудов (да и взвесить это невозможно). И самое интересное — как там будут обходиться с теми, кто не захочет довольствоваться участью пузырька, а потянется к участи титана? Или найдется способ как-то предотвращать их появление на свет?

Вот если бы две эти цивилизации мирно сосуществовали, была бы возможность недовольным переселяться туда, где им больше по душе, — пусть бы переманивали подданных друг у друга каждая своими радостями...

Елена Иваницкая: Мы с тобой оказались очень плохими пиарщиками. Я ведь понимаю, как убийственно звучит вопрос: вы чего хотите — бессмертия и величия или участи пузырька? Но перспектива «служить аристократии» ... — еще убийственнее.

Впрочем, «участь пузырьков» можно переформулировать красивыми словами. Это участь свободных личностей, которые сознают космический трагизм существования и не обольщаются смертоносными утопиями. Страстный роман-

тик с грандиозными мечтами о небывалом становится в таком обществе гневным обличителем нравов и певцом величия. Томасом Карлейлем он становится, вот кем. Или Николаем Федоровым.

Давным-давно, в семидесятых годах позапрошлого века в России начали появляться первые статьи о рабочих союзах, о кооперации на Западе. Что ж, союзы — не панацея. Не светлая сказка. Всякое бывало. Например, сильный союз английских кирпичников намертво встал против механизации производства и долго, в том числе агрессивно-вандальскими действиями, не давал развиваться кирпичной промышленности. Но с государством и с хозяевами заговорила объединенная сила. Реальная сила. А государство становится умным и заботливым только под воздействием такой силы.

Но у нас в России сразу и страстно вскричали великие мечтатели: все эти союзы, кооперативы, коллективы, ассоциации, товарищества — это попросту объединения одних против других. Это не братство, а вражда! Ну, был такой Николай Петерсон, ученик и пропагандист философии общего дела Николая Федорова. Он доказывал, что нам этих союзов и не надо. Если они у нас не прививаются — и прекрасно. Мы поведем за собой человечество небывалой мечтой, великим, братским «общим делом» — воскрешением отцов!

Чуть не полтора века прошло. Объединяться, отстаивать свои права мы так и не научились. Правда, государство все эти четырнадцать десятилетий истребляло всякие попытки самоорганизации под вопли о нашем коллективизме. А мечта потрясти и повести за собой человечество небывалым величием — вроде, стыдно повторить, «воскрешения отцов» — никуда не делась.

Александр Мелихов: Так не пора ли наконец признать, что эта мечта бессмертна? И что всякий народ может существовать лишь до тех пор, покуда он ощущает себя избранным? Только искать и подтверждать свою избранность нужно не на пути прекрасного, но невозможного, вроде «воскрешения отцов», или на пути грандиозного, но ординарного, вроде военного могущества, а на пути реального расширения человеческих возможностей. Для титанов это единственное занятие, позволяющее им чувствовать себя счастливыми, но и для людей ординарных их служение аристократии можно выразить более красивыми словами: освобождение от экономической каторги, переводящей труд и ресурсы в бесконечные модификации ординарности — «мы живем в стране, где ценятся покой и воля»; рекордные возможности для взлета из плебса в аристократию — «мы живем в стране, где умеют ценить таланты», «мы первые там-то и там-то, и там-то» — это тоже пленительно, если правда.

Мы с тобой действительно не пиарщики, но при желании даже мы можем насочинять красивых лозунгов для своих фантазий. Так почему бы не признать за каждым право служить собственным красивым сказкам — при условии, что он не будет принуждать к этому других? Тогда и мечта о «воскрешении отцов» может принести какую-то пользу — родилась же современная химия из поисков эликсира бессмертия и философского камня. А если и ничего не родится, то — как один причудливый камешек в огромной мозаике — и федоровцы могут украсить мироздание. Но чтобы они оказались способны своими призывами отнять что-то серьезное у мира реальных трудов и забот — мне трудно поверить: этих чудаков могут принять всерьез лишь другие чудаки. Сама по себе их утопия не несет ничего убийственного, далеко не все невозможное убийственно, — что уж такого смертельного несет в себе надежда на высшую справедливость или на

встречу за гробом? Это опять же советская власть нас так запугала, что если утопия, то непременно смертоносная.

Впрочем, если какие-то мечтатели в какой-то исторический миг одолеют людей дела, «пьяные» одолеют «трезвых», значит их мечта оказалась нужнее человеческой природе. Не можем же мы запретить мечтателям мечтать! И нельзя же в своем поражении обвинять конкурентов, чья цель в победе над нами и заключалась. Лично мне-то кажется, что человек не способен смотреть на жизнь трезвыми глазами, что так называемый мир рациональности тоже использует массу иллюзий и допингов, но, может быть, я ошибаюсь, и где-то рядом со мной ходят миллионы неизвестных трезвенников, желающих решать повседневные жизненные задачи и не замахиваться на небывалое.

Ну так и пошли им Господь счастья! Только мне с ними не по пути. Хочу лишь на прощание заметить, что небывалое и невозможное — вещи совершенно разные. Небывалые дела, если взглянуть в историческом масштабе, почти на наших глазах сотворили Максвелл, Пастер, Менделеев, Попов—Маркони, Эйнштейн, Бор, Гейзенберг, Ферми, Вавилов, Морган, Королев—Гагарин, и если бы в этом списке титанов, совершивших прорывы в небывалое, оказалось в два раза больше россиян — да пусть было бы хоть одним Илизаровым или Перельманом больше — это и было бы лучшим российским пиаром. Чаруют все-таки более всего не слова, а дела. Уверен, что ни одно имя из этого списка не вызовет у тебя отторжения. И лично мне с тобой не о чем спорить, ибо производство гениев для меня цель, а самоорганизация средство, которое этой цели вполне может и поспособствовать.

Роберт Патнем очень убедительно показал, что север Италии несопоставимо более развит в сравнении с югом из-за превосходства социального капитала — доверия людей друг к другу, готовности приносить какие-то разумные жертвы ради общего дела. И зарождался этот капитал, по его мнению, в таких «пустыковых» добровольных организациях, как хоровые общества или футбольные клубы. Мне кажется, с этого легче всего и завязаться социальному капиталу — с бескорыстного служения чему-то восхитительному, когда нет причин опасаться, что другой собирается на тебе нажить. Искать и продвигать таланты — уверен, мы и в этом сойдемся — ничуть не менее увлекательно, чем играть в футбол или петь хором.

Нас вообще больше разделяют чистые лозунги. Мне-то легче, я считаю наш мир трагическим, нашей правоте всегда противостоит не заблуждение, а чужая правота. Но людям нормальным так важно не только восхвалять свое, а еще и обличать чужое, что тем, кто нуждается в обольщении небывалым, и тем, кто в обольщениях не нуждается, видимо, никогда не ужиться в пределах одного государства, — вот мне и хочется помечтать, чтоб им из коммуналки разъехаться по отдельным квартирам. Пусть лучше издали очаровывают друг друга своими достижениями, чем в упор оплевывают надежды друг друга и этим друг друга радикализируют.

Это, конечно, тоже утопия. Никогда нам не разъехаться. Так и будем тащить в разные стороны наш общий воз.

Лебедю, раку и щуке было легче, у них не было возможности обмениваться мнениями.